
МОДАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

В.И. Казарина

ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
ул. Коммунаров, 28, Елец, Липецкая обл., Россия, 399770

К модификаторам допустимости отнесены лексически неполнозначные модальные лексемы, обогащающие предикативную ось высказывания субмодусами возможности, желательности, готовности, намерения (стремления), решимости, способности изменить существующее положение дел, позволяющие представить потенциальность «иного мира», и их роль в формировании пропозиций квалификации субъекта высказывания. В романе модификатор «мочь» функционирует не только со значением возможности иного мира, но и утверждает его наличие.

Исследование произведено с учетом семантики временных форм модификатора.

Ключевые слова: потенциальность, модальные модификаторы, субмодусы, модальный субъект, субъект высказывания, характеризующая сема

1. Модальность предложения — сложная и многоплановая категория, вызывающая неизменный интерес ученых ни одного тысячелетия. Однако в науке все еще остаются дискуссионными вопросы, связанные как с природой этого феномена грамматики, так и его семантикой, точнее, с семантическими разновидностями модальности и проблемами их объективации. Все это обуславливает *актуальность* нашего обращения к данной категории грамматики.

Объектом нашего исследования явилась модальность как условие, обеспечивающее потенциальность возможного мира, того, «что может быть и может не быть, но существование чего не является невозможным», что обеспечивает возможность материи превращаться во что-либо [1], «быть не тем, что она есть». Потенциальность есть принцип движения, возможность изменения и развития, «заложенные в существующих явлениях» при наличии условий возникновения явления или «отсутствия таких обстоятельств, которые исключали бы его возникновение» [2. С. 74]. Потенциальность противопоставляется действительности, бытию, тому, что происходит в реальном мире, факту, ситуации, имеющим место быть, способных к изменению при наличии определенных условий. Условиями, создающими возможность измениться, потенциальность соотносится с такими модальными значениями, как возможность, желание, необходимость, предположительность (гипотетичность) [3. С. 75], и определяется ими. Маркируемые языковыми средствами, эти значения, по Аристотелю, способствуют «через языковую скорлупу», проникнуть «в логическое зерно» [4]. Такой «языковой скорлупой» являются прежде всего лексико-грамматические «осложнители» предикативной модальности, обогащающие пропозициональное содержание высказывания эпистемической модальностью. Лексически маркируемые в позиционной схеме, они, в процессе речевой модификации структурной схемы про-

стого предложения, наслаиваясь на предикативную модальность, формируют по отношению к его пропозиции «внутреннюю модальную рамку высказывания» [5. С. 721], устанавливая отношение «внутри оппозиции» между предикатом и его субъектом, сочетаются с предикатом-инфинитивом, маркирующим потенциальную ситуацию.

Задачу нашего исследования видим в выявлении специфики функционирования модального модификатора допустимости — маркера потенциальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» [6].

2. В данном произведении высказывания с модальным модификатором допустимости, дифференцируемой на субмодусы возможности, желательности, готовности, намерения (стремления), решимости, способности изменить существующее положение дел, представлены 123 высказываниями. Наиболее продуктивными в функционировании являются субмодусы возможности (85 примеров) и желательности (39 примеров).

2.1. Маркерами возможности/невозможности являются модальные лексемы: *мочь, можно, возможно, невозможно, нельзя*.

2.1.1. Наиболее продуктивной в реализации субмодуса возможности является лексема *мочь* в положительной и отрицательной форме. В соответствии со словарной дефиницией она функционирует в значении «быть в состоянии, иметь возможность (делать что-н.)» [7. С. 368].

Позицию модального субъекта, представляющего возможное наличие ситуации, занимает как автор высказывания, «внешний» модальный субъект, эксплицитно не представленный в высказывании, так и субъект предиката высказывания, внутренний модальный субъект, как правило, маркируемый в высказывании.

Модальный субъект, совпадающий с субъектом высказывания, представлен в 44 из 85 высказываний; независимо от временной формы модификатор маркирует семы с характеризующим субъекта компонентом, определяемым:

— интеллектуальной способностью, психическими данными, возрастом:

Я посетил на своем веку много самых славных замков Европы и, бродя по ним, не раз дивился: как *мог* я, будучи ребенком, мало чем отличавшимся от любого мальчишки из Выселок, как я *мог*, глядя на книжные картинки и слушая полоумного скитальца, курившего махорку, так верно чувствовать древнюю жизнь этих замков, и так точно рисовать себе их? <какими интеллектуальными способностями обладал>; Просыпаемся и мы, с радостью от солнечного утра, — других, повторяю, я все еще не хочу или не *могу* заметить, — с нетерпеливым желаньем поскорее бежать в вишенник, рвать наши любимые вишни — наклепанные птицами и подпеченные солнцем <нетерпеливость — характерная черта ребенка>;

— данными опыта:

Делить прогулки, вести разговоры, мечтать о будущем я стал теперь с ней — и с удивлением и радостью все больше убеждался в том, что она [Оля] гораздо взрослей, развитей и душевно и умственно и гораздо ближе мне, чем я *мог* полагать <опора на опыт, знание>.

Оба примера говорят не о потенциальных изменениях ситуации или возможности этих изменений, определяемых данными субъекта высказывания. Напро-

тив, в них утверждается онтологическая реальность (объективность, наличие, бытие) ситуации, подтверждаемая несовершенным видом инфинитива — маркера ситуации.

Спорадически данный модификатор участвует в создании характеризующей субъекта ситуации черты с оттенком предположения ее наличия:

Это на балу вдруг понял я однажды, что ведь ей всего двадцать шесть лет, и впервые, не решаясь верить себе, догадался о причине странной перемены, происшедшей в ее обращении со мной в эту зиму, — о том, что она [Авилова] *может* любить и ревновать меня.

Значительно реже модальным субъектом является собеседник или конкретно представленное лицо, характеризваемое по присущим ему нравственным признакам, характеру, привычкам, физическим и физиологическим данным. В романе А.И. Бунина предикативная модальность в этом случае обогащается семой 'обладать способностью', определяющей создание потенциальной ситуации, маркируемой инфинитивом совершенного вида:

Она [жена Богданова] была когда-то хорошенькая, имела множество поклонников, до сих пор весела и бойка, на язык остра и находчива, отбрить *может* всякого с редкой логикой, тонка и моложава, на вечеринки принаряжается, подвигает кудряшки на лбу.

Однако наличие семы 'потенциальность' не исключено и при несовершенном виде характеризующего инфинитива:

Какое молчание — так *может* молчать только что-нибудь живое!

Участие в изменении ситуации может быть представлено внешними условиями, не соотносительными с личностными качествами субъекта высказывания. Модификатор при этом маркирует потенциальность возможной ситуации:

Звали его Баскаковым, он *происходил из богатой и родовитой семьи*, был умен, талантлив и, следовательно, *мог жить* <имел материальную возможность> не хуже, если не лучше, многих.

При «внешнем» модальном субъекте позицию характеризуемого субъекта с учетом его онтологической природы представляют и номинанты собственно предметов и явлений окружающей среды:

Я тоже взглянул на них: да, его уже нет, а вот туфли все стоят и *могут* простоять еще хоть сто лет!

Потенциальность маркируемой ситуации представляет модификатора в риторическом вопросе при отрицательном инфинитиве-ситуации:

Облако из-за берез блистало, белело, все меняя свои очертанья... *Могло* ли оно не меняться?

Лексема *мочь* в окружении специфического контекста может представлять, считаем, и модус долженствования:

Дни слагались в недели, месяцы, осень сменяла лето, зима осень, весна зиму... Но что *могу* я сказать о них? Только нечто общее: то, что незаметно вступил я в эти годы в жизнь сознательную <как я должен охарактеризовать эти дни, что сказать о них>.

По характеру соотношения с реальным, онтологическим временем все значения временных форм не актуальны: автор повествует о событиях далекого прошлого, его информация — результат воспроизводимой в памяти, анализируемой с позиций прошлых лет ситуации. Если же говорить о значениях временных форм по отношению к моменту речи, то они неоднозначны. Так, форма настоящего времени модификатора независимо от онтологической природы модального субъекта функционирует, как правило, в значении не актуального настоящего, а «настоящего потенциального» [8. С. 70—71], узуального [9. С. 181]. В синтагматическом ряду как с глаголами несовершенного, так и совершенного вида высказывания с модификатором *мочь* представляют характеристику субъекта высказывания по его способности/неспособности создать новую ситуацию, ее возможное наличие. Ср.:

Вы вообще, я полагаю, *служить не можете* — не те у вас мечтания. Вы, как говорится в оракулах, слишком вдаль простираетесь — Она [Наля] еще гимназистка, дочка очень чванлых родителей, но уж прошла огонь и воду и медные трубы, умна, как бес, весела, как француженка, и *может выпить* бутылку шампанского без всякой посторонней помощи.

Однако контекст может свидетельствовать и об актуальности семантики настоящего времени, его единичности, совпадении времени возможности создать ситуацию со временем речевой деятельности субъекта высказывания, маркируя относительное время:

— Вот, — сказал он [отец], решительно кладя ее рядом со мной. — Дарю, что *могу*, чем богат, тем и рад.

Форма прошедшего времени модификатора, как правило, функционирует в нескольких значениях:

— прошедшего имперфектного конкретного единичного действия, подчеркиваемого темпоральными конструкциями:

С тех пор и началась его скитальческая жизнь: ни на одном месте, ни в одном доме он не *мог* ужиться даже *несколько месяцев*;

— прошедшего имперфектного обычного, повторяющегося действия:

Я посетил на своем веку много самых славных замков Европы и, бродя по ним, *не раз дивился: как мог я, будучи ребенком*, мало чем отличавшимся от любого мальчишки из Выселок, как я *мог, глядя* на книжные картинки и слушая полоумного скитальца, курившего махорку, так верно чувствовать древнюю жизнь этих замков, и так точно рисовать себе их?

2.1.2. Несколько реже (18 примеров) субмодус возможности ситуации представлен модальными лексемами *можно* и *возможно*.

Словарное значение модификатора *возможно* — «не исключена возможность, допустимо», то, что «может произойти, осуществимо, допустимо». Модификатор *можно* представлен двумя лексическими значениями: в первом значении через лексему *возможно*: «можно, есть возможность»; во втором — «разрешается, по-зволяется». Обе лексемы допускают объективирование новой ситуации независимо от вида ситуативного инфинитива.

Лексема *можно* функционирует в значении «возможно», определяемом различными условиями:

— бытовыми:

Подражая подпаску, *можно было* <была возможность> запастись посоленной коркой черного хлеба и есть длинные зеленые стрелки лука с серыми зернистыми махорчиками на остриях, красную редиску, белую редьку, маленькие, шершавые и бугристые огурчики, которые так приятно было искать, шурша под бесконечными ползучими плетями, лежавшими на рассыпчатых грядках;

— нравственно-интеллектуальными:

Почему с детства тянет человека даль, ширь, глубина, высота, неизвестное, опасное, то, где *можно* размахнуться жизнью, даже потерять ее за что-нибудь или за кого-нибудь?

— аналитическими данными субъекта высказывания:

Среди моих родных и близких еще *можно* было понять одну нашу мать с ее слезами, грустью, постами и молитвами, с ее жаждой отрешения от жизни;

— профессиональными данными воспринимаемого объекта:

Можно было заслушаться его и тогда, когда он читал, всегда, по своему обыкновению, прищурив левый глаз и далеко отставив от себя книгу;

— этическими и экономическими условиями:

Вслед за тем мне предстояло дело — зайти, по поручению отца, к некоему Ивану Андреевичу Балавину, скупщику хлеба, чтобы показать ему образчики нашего умолота, узнать цену на них и, если *можно*, сделать запродажу; Чтобы как-нибудь приблизить тот срок, когда *можно* было, не слишком нарушая приличия, явиться в редакцию, я пошел сперва вниз по этой улице, перешел какой-то мост, вышел на другую, большую, торговую, со всякими старыми складами и амбарами, скобяными, железными, москательными и колониальными лавками и вообще всем тем грузным обилием благосостояния, от которого ломились тогда русские города.

Редко используемая в романе лексема *возможно* эксплицирует сему 'допустимость', определяемую:

— моральной этикой:

Я все спрашивал себя: что делать? Было ясно, что именно. Но чем настойчивее старался я внушить себе, что завтра же надо написать решительное, прощальное письмо, — это было еще *возможно*, последней близости между нами еще не было — тем все больше охватывала меня нежность к ней, восхищение ею, благодарное умиление ее любовью ко мне, прелестью ее глаз, лица, смеха, голоса;

— эмоциями субъекта:

Из Орла я увозил одну мечту: как-то продолжить — и, насколько *возможно* скорей — то, что началось в Орле.

Субмодус невозможности предполагаемой ситуации маркирует отрицательная форма глагол *мочь* (более продуктивный), а также лексемы *невозможно* и *нельзя*.

Отрицательная форма модификатора *мочь* продуктивна при любом модальном субъекте:

Потом шел бродить, думать о прочитанном, о прохожих и проезжих, о том, что почти все они, верно, по-своему счастливы и спокойны — заняты каждый своим делом и более или менее обеспечены, меж тем как я только томлюсь смутным и напрасным желанием ткать что-то такое, чего и сам *не могу* понять, на что у меня нет ни смелости решиться, ни умения взяться, и что я все откладываю на какое-то будущее, а беден настолько, что *не могу* позволить себе осуществить свою жалкую заветную мечту — купить хорошенькую записную книжку...; «Ты *не можешь* себе представить, как страшно мокро было все, как все блестело и переливалось!» — говорил я и кончил признанием, что хочу написать об этом рассказ.

Модификаторы *мочь*, *можно* и *возможно* маркируют у Бунина невозможность изменить ситуацию, отрицание ее потенциальности, оформленное в виде риторического вопроса — источника эмоциональной окрашенности высказывания:

Светлый лес струился, трепетал, с дремотным лепетом и шорохом убежал куда-то... Куда, зачем? И *можно* ли было остановить его?

Реже невозможность изменения ситуации маркируют модификаторы *невозможно* и *нельзя*. Обе лексемы исключают допустимость предполагаемой ситуации:

Теперь ведь и представить себе *невозможно*, как относился когда-то рядовой русский человек ко всякому, кто осмеливался «идти против царя»; *Нельзя* сказать, чтоб я был уж так взволнован, счастлив тем, что попал в знаменитый журнал, в круг знаменитых писателе — я, помню, принял это почти как должное.

Усиление отрицания потенциальности ситуации представляет введение в позиционную схему отрицательные лексемы:

Но идти немедленно было *никак нельзя*: «Как, он опять пришел? И опять с утра?!»

Высказывания с модификаторами *можно*, *возможно*, *невозможно*, *нельзя* представляют собой высшую степень абстракции — умозаключение, абстрагированное от конкретного временного отрезка, представляющее «обычное, непрерывно длящееся или многократно повторяющееся в настоящем, прошедшем и будущем» [9. С. 181].

Субъект как носитель модальной характеристики имеет, как правило, обобщенно-личное значение:

А рига была пленительно-страшна своей серой соломенной громадой, зловещей пустотой, обширностью, сумраком внутри и тем, что, если залезть туда, нырнув под ворота, *можно* заслушаться, как шарит, шуршит по ней, носится вокруг нее ветер; там в одном уголке висела запыленная святая дощечка, но говорили, что все-таки черт по ночам прилетал туда, и это соединенье — черта и столь грозной для него дощечки — внушало особенно жуткие мысли <любому и каждому>.

Реже контекст «диктует» в позиции субъекта конкретное время, но и в этом случае наличие данных лексем — результат опыта говорящего, данные человеческого интеллекта:

Подражая подпаску, *можно было* запастись посоленной коркой черного хлеба...; Утром я нетерпеливо сидел с книгой в руках в солнечном саду, ожидая той минуты, когда *можно* будет опять бежать за реку, чтобы увести Анхен куда-нибудь на прогулку.

2.2. Реализация потенции существующего положения дел определяется не только наличием возможности субъекта высказывания создать нечто, не имеющее места быть. В своей деятельности он руководствуется не только своими возможностями, но и прежде всего своим желанием, потребностями, обеспеченными реальными условиями.

В романе Бунина субмодус желания маркирован лексемами *хотеть*, *желать* и *хотеться*, представленные 40 высказываниями. Нежелание субъекта оказаться в новой ситуации традиционно передается введением в позиционную схему отрицательной частицы. Продуктивность в функционировании лексемы *хотеть* несколько выше по сравнению с лексемой *хотеться*, тогда как лексема *желать* представлена единично. Лексема *хотеть* со значением «иметь желание делать что-н., ощущать потребность в ком-чем-нибудь» [7. С. 868] в форме настоящего и прошедшего времени функционируют в значении актуального времени. Специфика романа определяет преимущественное совпадения субъекта желания с носителем предикативного признака, с говорящим или его собеседником:

В начале сентября того года, когда я перешел в четвертый класс, неожиданно *захотел* вступить со мной в приятельство один из моих товарищей, некто Вадим Лопухин; Я *хочу* видеть и любить весь мир, всю землю, всех Наташ и Марьянок, я во что бы то ни стало должен отсюда вырваться!; — Послушай, *хочешь* войти в наш кружок?

Реже позицию модального субъекта представляет автор высказывания:

Почему в самом деле влачил нищее существование русский мужик, все-таки владевший на великих просторах своих таким богатством, которое и не снилось европейскому мужику, а свое безделье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность оправдывавший только тем, что *не хотели* отнять для него лишнюю пядь земли от соседа помещика, и без того с каждым годом все скудевшего?

Субмодус желания в содержательной структуре лексемы *хотеть* отмечен наложением контекстуально выявляемых сем:

‘намерение’ (сделать что-либо):

Тут недалеко есть усадьба, которая будто бы описана в «Дворянском гнезде». *Хотите* посмотреть?;

— Так вот, я и *хочу* <намерен> тебя предупредить: я ее нынче утром рассчитал;

‘планирование’:

«Ты не можешь себе представить, как страшно мокро было все, как все блестело и переливалось!» — говорил я и кончил признанием, что *хочу* написать об этом рассказ; — Университет, это, конечно, прекрасно, — ответил доктор — ... И к какой именно деятельности вы *хотите* готовиться? К литературной только или и к общественной, служебной? <планируете, рассчитываете>.

Желание и намерение осуществления потенциальной ситуации могут быть не дифференцированными:

Замолаживает — это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший *хотел* <намеревался, желал> им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нем совершается некое сладкое брожение, некое освобождение от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности.

Непроизвольное желание новой ситуации, находиться где-либо, испытывать состояние и пр. представляет модификатор *хотеться*. В отличие от *хотеть*, функционирование которого отмечено только актуальным значением времени, формы прошедшего и настоящего времени глагола *хотеться* в романе представляют неактуальное время. Субмодус желания является характеризующим субъекта по охваченному им повторяющемуся желанию:

Как *хотелось порой* быть нарядным, блестящим!

Желание — результат мыслительной деятельности сохранить существующее положение дел:

... мне зачем-то *хотелось* длить те двойственные чувства, которые владели мной и заставляли не расставаться с «Фаустом», нечаянно попавшим тогда в мои руки среди писаревских книг и совершенно пленившим меня.

Силу желания определяет синтагматический ряд модификатора:

... как ни больно, как ни грустно в этом непонятном мире, он все же прекрасен и нам все-таки *страстно хочется* быть счастливыми и любить друг друга...; я в этом (осаде монастыря) чувствую что-то прекрасное, что мне *мучительно хочется* понять и выразить в стихах, в поэтической выдумке...

Лексема *желать* функционирует с тем же значением «испытывать желание», оно более динамичное относительно стандартного желания, его осуществление соотносимо с приложением усилий, что в тексте определяет наличие специфических конкретизаторов и синонимов:

Я *страстно желал* делиться с ней наслаждением своей наблюдательности, изощрением в этой наблюдательности, *хотел* заразить ее своим беспощадным отношением к окружающему и с отчаянием видел, что выходит нечто совершенно противоположное моему желанию сделать ее соучастницей своих чувств и мыслей.

2.3. Возможность добиться определенного успеха становится более реальной, когда желание сопровождается стремлением, нравственными или физическими усилиями, настойчивостью добиться желаемого или отступить от него. В тексте это находит отражение в использовании лексем *пытаться* и *стараться* (4 примера), в семеме которых доминантная сема ‘стремление’:

Я *всеми силами старался* жить хотя бы в некоторой мере так, как жил когда-то, но все дни мои уже давно превратились только в жалкую видимость моей прежней жизни; Какие далекие дни! Я теперь уже с усилием чувствую их своими собственными при всей той близости их мне, с которой я все думаю о них за этими записями и все зачем-то *пытаюсь* воскресить чей-то далекий юный образ.

2.4. Успеху в любой деятельности сопутствует умение и готовность к осуществлению желаемого.

2.4.1. Субмодус умения объективирует модификатор *уметь*, представленный значением «обладать способностью», соотносимой с субъектом предикативной характеристики:

Это спрашивает *жена* Богданова, того самого статистика, который так непостижимо для меня *умеет* винтом заплетать нога за ногу; В ее комнате тоже было тесно, она

была в конце коридора, возле лестницы в мезонин, зато окнами выходила в сад, была тиха, тепла, хорошо убрана; в сумерки в ней топилась печка, она [Гликерия] же *умела* лежать в подушках дивана удивительно приятно, вся сжавшись и подобрав под себя свои на редкость хорошенькие туфельки;

«обладать навыком, быть обученным чему-либо» при отрицательной форме модификатора:

Как живо выражали они существенность того, чем полна была моя душа, — те тайные лебединые клики, что порою так горячо и призывно оглашали ее! И не все ли равно, что именно извлекало их? И что с того, что ни единым словом *не умел* я их передать, выразить! <не обладал способностью, не был обучен>.

2.4.2. Потенциальная возможность изменить ситуацию представляет модификатор *готов* <готовность что-то предпринять>, не приводящая в романе к желаемому: ... в то время как я действительно любил и люблю некоторых своих батуриных Климов всем сердцем и последнюю копейку *готов* отдать какому-нибудь бродячему пыльщику, робко и неловко бредущему по городу с мешком и пилой за плечами.

2.4.3. Глагол *сметь* в значении «решиться, осмелиться» в сочетании с отрицательной частицей *не* — объективатор отсутствия возможности ситуации, представленной предикативным инфинитивом:

Вот сентябрь, вечер. Я брожу по городу, — меня *не смеют* <не решаются> сажать учить уроки и драть за уши, как Глебочку, который становится все озлобленней и поэтому все ленивее и упрямее.

Однако нельзя не отметить заместительную функцию модификатора *сметь* в позиции вспомогательного глагола *быть*:

— Я, например, далеко не восхищаюсь народом, хорошо, к сожалению, знаю его, весьма мало верю, что он есть кладезь и источник всех премудростей и что я обязан вместе с ним утверждать землю на трех китах, но неужели все-таки мы ничем ему не обязаны и ничего не должны ему? Впрочем, *не смею* <не буду> поучать вас в этом направлении.

В романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» модальность допустимости представлена рядом субмодусов, различающихся способностью маркировать потенциальность нового фрагмента мира. Так, субмодус возможности, представленный лексемой *мочь* в сочетании с инфинитивом несовершенного вида, за редким исключением, при любой онтологической природе субъекта и неактуальности временных форм высказывания, содержит характеризующую его сему, объективируя не потенциальность иного мира, а напротив, утверждает наличие существующего положения, ситуации. При совершенном виде инфинитива и том же характеризующем субъекта компонентом лексема *мочь* — показатель потенциальности новой ситуации, тогда как, например, субмодус желания, представленный лексемой *хотеть*, — показатель потенциальности изменения или сохранения существующего положения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] **Философский энциклопедический словарь**. URL: <http://www.rubricon.com/ge.asp?type> (дата обращения 21.02.2015).
- [2] **Философский словарь** / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Политическая литература, 1963.
- [3] **Бондарко А.В.** Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. С. 72—79.
- [4] **Маковельский А.** История логики. URL: http://krotov.info/libr_min/13_makovelsky/01.htm (дата обращения 29.06.2013).
- [5] **Касевич В.Б.** Семантика. Синтаксис, Морфология. М.: Наука, 1988. URL: <http://www.twirpx.com/file/471848/> (дата обращения 25 июня 2013 года).
- [6] **Бунин И.А.** Жизнь Арсеньева. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2532.shtml (дата обращения 04.02.2015).
- [7] **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Технология, 2009.
- [8] **Бондарко А.В.** Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
- [9] **Золотова Г.А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- [10] **Словарь русского языка в 4 тт.** Т. I. М.: Русский язык, 1981.

“MODALITY IN OBJECTIVIZING POTENTIALITY IN THE NOVEL ‘ARSENYEV’S LIFE’ BY I.A. BUNIN”

V.I. Kazarina

FGBOU VPO Elets State University named for Bunin I.A.
Kommunarov str., 28, Elets, Lipetsk region, Russia, 399770

Various sub-modi, that form the modality of the “other world” probability, characterize the subject of utterance through the same defined by properties, which the subject possesses. Sub-modi are components of the inner non-predicative modal frame objectivized by modal lexemes.

Key words: Potentiality, modal modifier, sub-modus, modal subject, subject of utterance, scheme of characterization

REFERENCES

- [1] **Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar’** [The Encyclopedic Dictionary in Philosophy] // <http://www.rubricon.com/ge.asp?type> (june 21 February 2015).
- [2] **Filosofskiy slovar’** / pod red. M.M. Rozentalya i P.F. Yudina. M.: Politicheskaya literatura, 1963. [Dictionary in Philosophy/ under the editorship of M.M. Rozental and P.F. Yudin. M.: Political Literature, 1963].
- [3] **Bondarko A.V.** Realnost/irrealnost i potentsialnost // Teoriya funktsional’noy grammatiki. Temporal’nost’. Modal’nost’. Leningrad: Nauka, 1990. S. 72—79. [Bondarko A.V. Reality/Irreality and Potentiality // The Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality. Leningrad: Nauka, 1990. pp. 72—79].

- [4] Makovel'skiy A. Istoriya logiki // http://krotov.info/libr_min/13_makovelsky/01.htm (accessed 29 June 2013). [Makovelski A. The History of Logic].
- [5] Kasevich V.B. Semantika. Sintaksis, Morfologiya. M.: Nauka, 1988. [Kasevitch V.B. Semantics. Syntax. Morphology]. M.: Nauka, 1988 // <http://www.twirpx.com/file/471848/> (june 25 June 2013).
- [6] Bunin I.A. Zhizn' Arsen'eva. [Bunin I.A. Arsenyev's Life] // http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2532.shtml (accessed 4 February 2015).
- [7] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.] The Encyclopedic Dictionary of the Russian Language. M.: Technologia, Ltd, 2009.
- [8] Bondarko A.V. Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie). M.: Prosveshchenie, 1971. [Bondarko A.V. Aspect and Tense of the Russian Verb (meaning and usage)].
- [9] Zolotova G.A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. [Zolotova G.A. The Essay in the Functional Syntax of Russian]. M.: Nauka, 1973.
- [10] Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tt. [Dictionary of the Russian Language in 4 vv]. Volume I. M.: "Russki Yazik", 1981.